

«Как же я устала — как собака. Как стая собак. Ненавижу всех, чтоб им всем передо́хнуть! А мне б отдохнуть, поспать. Я — чайка... С ума схожу. Спасибо, мамаша, за вашу заботу: что за работа такая — актерка, чужие мужики лапать будут, а вот медичка — профессия чистая... Прошу покорно сюда, на экскурсию. Кровь, кости, ошметки, мессиво, стоны, ругань... оторванные конечности, вырванные челюсти, распоротые животы — зачем мне это все? Не могу больше, голова кружится, вот упаду сейчас и умру. Сколько на ногах уже — тысячу часов, целый век!»

Ее потрепали по плечу:

— Лизаветка, слышишь? В шоковой палате нет никого.

— Угу...

— Когда поступят — неизвестно, там уже застлано, ложись, поспи немножко.

Передвигаясь по стеночке, достигла-таки шоковой палаты, плача от радости, упала на свежую застеленную кровать...

...И очнулась, ощутив на себе чей-то взгляд. Кто-то смотрит. На фронте который год, а теперь вот от страха не смела сразу веки поднять. Когда же решилась, то на нее в упор уставились мертвые, зрачки с иголку, глаза, а над самым ее лбом нависает плетью чужая, синеватая уже рука.

Заверещав без голоса, вслепую бросилась в дверь, в коридор, и, как шар бильярдный, отлетела, срикошетив от медной грудины. Сверху спросили:

— Мелкая, ты чего?

Он поднял ее одной левой — правая, перетянутая бурым бинтом, была к тому же загипсована, — поставил на ноги, встряхнул, как куклу. И, наклонившись, попытался заглянуть в лицо — в себе ли медработник?

Глаза раскосые, скулы острые, нос уточкой. Лизавета аж задохнулась: неужели он? В памяти запрыгали цветные, далекие, счастливые кадры — пионерлагерь в Крыму, вдоволь перловки с тушенкой, волейбольные баталии с хитрыми кру-

САМЫЙ ПРИМЕТНЫЙ УБИЙЦА

чеными на третью линию. А вечером снова будет костер, музыка, пять дымных факельных огней.

В тот раз тяжелый, непослушный огненный заряд никак не хотел подниматься к небу — метался, заблудившись между сучьев, сложенных в виде пятиконечной звезды. И тогда именно вот этот, теперь однорукий, а тогда ловкий — у него вечно что-то вылетало из рукавов, то леденцы, то сигареты, а то и бутылочка крымского, — как повелитель стихий, взмахнул рукой. И, как по волшебству, вырвался из этой руки огонь — и, загудев, взмыл к небесам огненный вихрь. Корчились, трещали сучья, искры фонтанами устремлялись в чернильное небо, стало ярко и так жарко, что Лиза невольно отпрянула назад.

Как и сейчас. Только теперь он крепко держал ее.

— Валька?

Он сам узнал, и на осунувшейся, пусть и по-прежнему наглой, морде проступило обидное разочарование:

— Лизочек, надо же. Не узнать тебя... а где же веснушки мои любимые?

Надо было бы ответить грубо, поставить на место, но в это время грохнула дверь, послышались

тяжелая слоновья поступь и львиный рык главного хирурга:

— Лизаветка! А ну к ноге!

Она съежилась. Валька спросил, загораживая собой:

— Натворила чего?

Она пролепетала, тараща на него черные глаза:

— Я — ничего... нет, я...

А по коридору все ближе и ужаснее раскаты:

— Что творится в госпитале?! Фрицы не добились — соплюха добьет, целого капитана! Ну, а ты, разведчик, так твою растак! Дура вякнула, а ты — и под козырек!

Лизавета поняла, что сейчас погибнет, думала лишь о том, как именно: больно или нет. Но Валька уже втолкнул ее обратно в палату к мертвецам, закрыл дверь и привалился к ней с самым отсутствующим видом.

Грозовой тучей выплыл из-за поворота главный хирург, с огромной лысой головой, пуская толстых зайцев сильными окулярами на красном носу. Он волок добычу: хромого на костылях, с перевязанной головой, тот покорно болтался в могучих руках и на вопли не отвечал, ибо в зубах

САМЫЙ ПРИМЕТНЫЙ УБИЙЦА

у него был зажат букет сочных нахальных болотных цветов.

— Поперся на нейтральную полосу ботанику собирать. Где эта дрянь черношарая? Выпорю!

Процессия миновала, скрылась за углом. Валька, дождавшись, пока стихнет, приоткрыл дверь, спросил делано добродушно:

— Хахаль твой, что ли?

— Не было ничего. Это он сам, — немедленно отреклась она, клацая зубами.

Не то чтобы она все еще боялась покойников, но там было слишком много тех — шоковых, тяжелых, которых еще живыми уложили вокруг нее, спящей, а они — возьми да умри.

Валька быстро огляделся. В коридоре было пусто и необычно тихо, как всегда после криков главного.

— Все бы командовать да организовывать, ты мой вожачок. Неугомонная, — шепнул он, притирая ее к стенке.

— Глаза выцапаю, — пообещала она зачарованно.

— За что? — искренне удивился Валька.

Очень кстати появилась в коридоре операционная сестра, был повод на нее наброситься:

— Ну, что не разбудили-то меня?

Та огрызнулась:

— Да не до тебя тут было. Выспалась?

— Нет.

— Вот и иди к главному, он разбудит. Жаждет тебе перцу всыпать. Сам найдет — хуже будет. Козырев, вы куда-то шли? Вот и идите. Вас ждут уже.

— Кто это? Зачем? Я же обсказал все! Перчатку заело, замком палец отрубило...

— Это вы не мне, это вы там объясняйте. Идите-идите. Сами найдут — вам же хуже... я это говорила уже? Да. В общем, салют обоим.

Обреченно следуя на громовые раскаты, Лизавета не выдержала и оглянулась: Валька стоял, глядя липко, неотрывно — точь-в-точь упырь вслед добыче, ускользящей, но ненадолго. Скалясь, здоровой рукой изобразил пионерский салют.

* * *

Ах, какой апрель выдался в этом году! Веселый, радостный, лохматый, шумел себе свежераспустившейся листвой, свистел солнечным ветром. И довольный Колька, подставляя солнцу улыбающуюся физиономию, советовал Оле следующее:

САМЫЙ ПРИМЕТНЫЙ УБИЙЦА

— Организуй тайное общество помогальщиков.

Она оборвала поток жалоб и негодований и некоторое время лишь смотрела подозрительно. Потом, осознав сказанное, принялась подбирать подходящие цензурные выражения.

Колька, стянув гимнастерку и майку, нежился на лавочке, загорая, всем довольный и умиротворенный. Картина невыносимая для девушки, у которой ну ничего, решительно ничегошеньки не получается!

Оля притопнула и задала основной вопрос:

— Пожарский, ты перегрелся?

Он точно ожидал — парировал беспрорышно:

— Отвергаешь — предлагай. Для начала скажи толком, что не так в моей идее.

Оля открыла рот и — тут же закрыла его. С предложениями и внятными тезисами было того... сложновато. Уж больно резко и внезапно это все стряслось.

Олю не просто рекомендовали в ВЛКСМ, ее и приняли, и вручили билет — молниеносно, презрев все «но» и «однако», равно как и воспоминания о темном прошлом.

Это было очень подозрительно и, как немедленно выяснилось, неспроста. Вот она, часть дьявольского плана Лидии Михайловны! Верная своей генеральной линии — делать все, чтобы никому жизнь медом не казалась, — она внезапно собралась замуж, а затем и в декрет (злые языки утверждали, что последовательность была обратной). А перед этим задействовала все свои змеиные ресурсы, для того чтобы кандидатура Гладковой — всезнайки и в каждой бочке затычки — рассматривалась как единственно возможная следующая пионервожатая дружины школы № 273.

Она-то и рекомендовала Олю к приему в комсомол, да еще и в экстренном порядке.

Таким образом, в апрельском небе для Оли громыхнуло сразу два грома: она теперь член ВЛКСМ и судьба ей теперь — пасти молодняк в статусе старшей пионервожатой. Она откровенно запаниковала, струсила и даже попыталась отказаться, но ее быстро поставили на место: не время бояться, товарищ, утрите нюни и извольте воспитывать подрастающее поколение.

И ни у кого не находилось ни капли сочувствия. Даже добрейший директор Петр Николаевич был сух и непреклонен:

САМЫЙ ПРИМЕТНЫЙ УБИЙЦА

— Гладкова, на обочине переждать желаешь?

Оля, радостно зацепившись за повод, немедленно обиделась:

— Да как вам не стыдно! Я...

— А «я» — вообще последняя буква алфавита, — оборвал ее директор. — Вот лучше напомни-ка мне, что в постановлении ЦК комсомола сказано по этому поводу? Специально для таких ренегатов?

Оля прекрасно помнила, о чем речь: за военные годы комсомольские организации забросили руководство пионерской работой, ЦК резко осуждает, ЦК требует решительного улучшения. Спорить никто не собирался.

— И что?

— Сказано, да не тебе? — вьедливо спросил директор.

Оля немедленно сникла и завяла, чуть не проскулила:

— Не готовая я, Петр Николаевич...

Он только ладонью прихлопнул ее возражения:

— У нас в дружине всего четыре отряда по восемь звеньев. Ты — вся из себя такая боевая и с такой-то малостью не в состоянии справиться? Не верю.

— Одна?

— Зачем одна? Вот сядь, посиди, подумай, наметь кандидатуры вожаков, выбери знакомых, надежных людей и — вперед.

— Опыта у меня нет...

Директор явно потерял терпение:

— А я вот, представь себе, тоже никакого опыта не имел, когда в этот кабинет попал! И в твоём возрасте думать не думал, что буду учить вот таких упрямых, как ты, Оля! Знать, кто на что готов изначально — никакого прогресса бы не было! И потом, поправь, ты ведь в педагогический собираешься?

— Собираюсь.

— Вот и пора перестать собираться. Считай, что это подготовительные курсы, а то и раб-фак. Когда с живыми людьми работаешь, быстрее вникаешь, многих ошибок избежишь, можешь мне поверить. Нужно будет содействие — обращайся, — пошутил он напоследок и выставил вон.

Что оставалось бедной Оле делать? А ничего.

— Надо — значит, надо, — вздыхала она, — будем трудиться каждый на своем месте, куда страна посылает.

САМЫЙ ПРИМЕТНЫЙ УБИЙЦА

Антонина Михайловна поддакивала: «Правильно, правильно...», Игорь Пантелеевич тоже поддерживал, правда, как с удивлением заметил Колька, в усах его хитрой кошкой блуждала улыбка.

Когда женщины ушли охать на кухню, батя то ли в шутку, то ли всерьез стал увещевать сына ни в коем случае не упускать из рук «эдакий брильянт», а то по нынешним временам терпение и смирение — товар дефицитный, а для семейной жизни — просто бесценный.

— Ну тебя, — краснея, отмахнулся Колька.

Но — шутки в сторону. Оле на полном серьезе приходилось несладко. За время владычества Мидии (она же Лимиha, она же ВэШэ, Ведьма Школьная) необходимый дружине боевой настрой сменялся целым комплектом самых странных вещей. Тут было все — от недоумения через безнадегу к черному юмору, а то и сарказму и явному саботажу. Доходило до того, что призывы к пионерской сознательности и активности сопровождались откровенно кривыми ухмылками, которые на детских мордах выглядели... ну просто отвратительно.

Стиснув зубы и потеряв руки, Оля принялась за подбор кадров. Истек первый час работы. Она

поняла, что совершенно не разбирается в людях. Второй час миновал. Оля до слез жалела маму: ей-то всем этим придется заниматься до самой пенсии, а то и дольше...

Ну, а как тут решить, кто на что способен? На кого положиться? Как можно ручаться за кого-то, полагаться на человека, когда сам за себя поручиться не в состоянии! Третий час промелькнул, махнув хвостом: имена и фамилии прыгали перед глазами, как резвые козы, она уже вообще начала сомневаться в том, что знает этих людей.

Терпение лопнуло на пятом часу. Разозлившись, Оля практически «от фонаря» расставила на руководство тех, кого знала, и одного, которого не знала вовсе. Выбрала пальцем в небо, наугад, и завалилась спать.

Полночи показывали черную черноту, вторую половину — мрак и туман. Но наутро Оля проснулась, преисполненная самой нерушимой решимости.

И вот, на первой же линейке, вышла на расстрел перед строем суровая Оля — в белой рубашке, с тремя начальственными полосками на рукаве. И, надсаживаясь с непривычки, зачитала первый свой приказ:

САМЫЙ ПРИМЕТНЫЙ УБИЙЦА

— Начальником штаба отряда номер один назначаю... Виктора Маслова! Пионер Маслов! Принять отряд!

— ...отряда номер два — Александра Приходько! Пионер Приходько, принять отряд!

— ...отряд номер три — Светлану Приходько.

— ...отряд номер четыре — Анастасию Иванову.

Ага! Зашевелилось болото! И ужасно, и превесело было смотреть на испуганные выражения на лицах этих вот малолетних негодяев. Только что стояли, насмешливо, с ленцой изображая маршировку, вальяжно вскидывая ручонки в кривых, вялых салютах — и вдруг — нá тебе, пыльным мешком по голове. Аж животы повтягивали.

«А плевать! — злобно подумала Оля. — Походите теперь в моих ботиночках! Вот вам четкая расстановка! И только попробуйте не привнести в жизнь отрядов боевой дух!»

На удивление, первое время так и получилось.

Ребята, а тем более девчонки, облеченные доверием и какой-никакой властью, демонстрировали редкую активность. Общими усилиями привели в порядок пионерскую комнату, которая до того имела вид невеселый: колченогие стулья,

облупленный стол, на окошке — покойник-фикус и барабан без палочек. Украсили стены лозунгами, плакатами, повесили доску объявлений, запустили даже «боевой листок».

Неопытная Оля преждевременно воспряла духом. А как же, все шло как по писаному: собирались штабы дружины, серьезно, по-взрослому, обсуждали газеты, хмуря брови, анализировали обстановку в мире. Вдумчиво, неформально подбирали строевые песни, без труда соглашались и организовывались на строевые походы по улице под барабан.

Беда заключалась в том, что в какой-то момент Оля утратила бдительность. Или не совсем правильно поняла мысль о том, что старший вожатый — не нянька. Она вдруг вообразила, что лица, облеченные властью, вполне созрели для самостоятельности и способны сами что-нибудь предложить. Ну хотя бы на уровне отрядов, звеньев... надо же своим умом когда-то начинать. И потом, все они там друзья-подружки, поймут, что им сто́ит.

Вот пусть вожаки обдумают, предложат, а то на все готовенькое!

И вот именно тут получилось точь-в-точь как на плавуне озерном: делаешь широкий гордый

САМЫЙ ПРИМЕТНЫЙ УБИЙЦА

шаг на ровненькую распрекрасную зеленую лужайку, а под ногой пустота и не на что опереться.

Тупые оказались вожаки, в пустых их тыковках не было ничего, никаких своих идей. И, что самое противное, не желали они отвечать ни за кого, кроме себя! Когда же их начинали принуждать к самостоятельному думанью и требовали инициативы, то все они — от мелкой Ивановой до тринадцатилетнего Маслова — прибегали к взрослому, бесспорному саботажу. Уличенные в этом грехе, скандалили, огрызались и замыкались в гордом молчании.

Характер у Оли присутствовал, упорства было — не занимать. И все-таки совершенно очевидно было, что она на грани отчаянья.

Она и сама это признавала, пусть даже и по секрету:

— Я понимаю, о чем ты думаешь!

— Серьезно? — удивился Колька, который вообще ни о чем не думал.

— Да, — заверила Оля, — что на Лидию можно было плевать, она постоянно чепуху несла.

— Ах, это... да-да.

— ...да. Но ведь она все-таки старшая, пусть и дура набитая, и по-своему пыталась решать вос-

питательные задачи. Нельзя же так откровенно плевать на взрослых!

Тут Колька не удержался:

— И что, взрослые правы уже в силу того, что они — взрослые?

Оля твердо заявила, что в данном случае именно поэтому:

— ...и потому еще, что это не просто взрослый, а пионервожатая, лицо с доверием государства. Ясно?

«Мощно развернула, впечатляет», — признал Колька и счел за благо не настаивать.

В отличие от него самого Оля субординацию понимала хорошо, пусть и по-своему. Сама же порой Лидию изводила... хотя всегда с почтением, и за рамки не выступала.

— Что, не права я? — требовательно спросила Оля, наблюдавшая за ним.

Коля немедленно отозвался:

— Да нет, наверное, права. Уважение должно быть, понимание и все такое. Особенно если человек в мундире, то есть при власти.

— Конечно! И с полномочиями! И тебе вот говорят, как взрослому, как сам ты давеча верно отметил: отвергаешь — предложи! А эти только